

УДК 811.511.24
DOI 10.25205/2312-6337-2018-1-35-45

С. С. Буторин

*Институт филологии СО РАН
Новосибирский государственный технический университет*

Деагентивные конструкции в кетском языке: к постановке проблемы

В статье рассматривается разряд деагентивных синтаксических конструкций в кетском языке, которые представляют собой результат понижающей деривации, относящейся, наряду с повышающей и интерпретирующей деривацией, к специфической категории актантной деривации. Описаны структурные характеристики деагентивных конструкций, которые включают вычеркивание агенса посредством устранения его синтаксической позиции и агентивной глагольной согласовательной позиции; продвижение семантического пациенса в позицию подлежащего, что приводит к повышению его синтаксического ранга и коммуникативного веса. Проанализированы способы деривации деагентивных конструкций, к которым относятся парадигматическая и коррелятивная оппозиции, а также аффиксальный деривационный способ. Показано, что доминирующим и обязательным способом деагентивной деривации является парадигматическая оппозиция, заключающаяся в вычеркивании агенса и смене субъектно-объектного спряжения на объектное.

Ключевые слова: кетский язык, актантная деривация, нисходящая деривация, устранение агенса, деагентивные конструкции, способы деривации деагентивных конструкций, смена субъектно-объектного спряжения на объектное.

Предметом исследования в работе является один из типов актантной деривации, а именно нисходящая (понижающая) актантная деривация. Исследование ограничивается одной из разновидностей нисходящей деривации: деривацией устранения агенса, результатом которой являются производные деагентивные конструкции, в структуре и семантике которых отсутствует семантический и синтаксический агент, устраненный из исходной агентивной конструкции. В статье представлен морфосинтаксический механизм данной деривации и выявляется семантика деагентивных конструкций.

Ранее автор статьи относил данный тип синтаксической деривации к одной из разновидностей имперсонала (вычеркивания актанта или суппрессива) – субъектному имперсоналу [Буторин, 1999, с. 31–32], предполагающему вычеркивание агенса. Автор опирался на работу [Мельчук, 1991, с. 64–65], однако позднее И. А. Мельчук видоизменил трактовку суппрессивного преобразования диатезы (см. [Мельчук, 1998, с. 167, 169]).

В ходе последующих исследований наша концепция была пересмотрена и субъектно-имперсональные конструкции предложено отнести к деагентивным конструкциям, т. е. конструкциям с устраненным (вычеркнутым) агенсом, а также были установлены структурные типы деагентивных гла-

Буторин Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора тунгусо-маньчжуроведения Института филологии СО РАН; доцент Новосибирского государственного технического университета.

Контактная информация: ул. Николаева, д. 8, г. Новосибирск, 630090, Российская Федерация.
E-mail: butorin_ss@mail.ru, тел: +7-(383)-330-27-35.

голов и была выявлена основная семантика конструкций с устранением агенса. Новый подход к описанию деагентивных конструкций предлагается в настоящей статье.

Краткие сведения о структуре кетского глагола

Кетский язык относится к полисинтетическим полиперсональным языкам с элементами инкорпорации, причем глагол характеризуется сложной морфологической структурой и многообразием структурных, а также формо- и словообразовательных типов и подтипов (см. [Крейнович, 1968, с. 9–40]). Модель глагольного согласования включает три согласовательные позиции (СП), которые могут заполняться 8 парадигматическими рядами лично-числовых показателей согласования с синтаксическими актантами – подлежащим и прямым дополнением [Крейнович, 1968, с.22–29].

Заполнение позиций в значительной степени лексикализовано и зависит от структурных и словообразовательных типов и подтипов глагола (см., например: [Vajda, 2003, pp. 56–57, 59]), а принципы их заполнения до настоящего времени не находят достаточно обоснованного объяснения.

В данной работе для дифференциации согласовательных позиций будут с определенной степенью условности использованы понятия и термины **Агенса** (СП1), **Датив** (СП2) и **Пациенса** (СП3), при отсчете позиций слева направо. Агенса – наиболее активный участник или контролер ситуации, являющийся синтаксическим субъектом (подлежащим), т. е. первым актантам транзитивных, а в редких случаях – интранзитивных глаголов. Датив (в терминологии Решетникова и Старостина [Решетников, Старостин, 1995, с. 52]) – менее активный, единственный актанта интранзитивных глаголов (например, Экперенцер или Адресат) или второй актанта транзитивных глаголов, косвенно, опосредованно подверженный воздействию Агенса. Пациенс – второй актанта транзитивных глаголов, который подвержен непосредственному, прямому воздействию Агенса; в редких случаях первый, единственный актанта транзитивных глаголов. Подробности можно найти в работах [Буторин, 1995, с. 8–9; Решетников, Старостин, 1995, с. 30–59].

С учетом моделей структурной организации кетского глагола, предложенных рядом исследователей [Крейнович, 1968, с. 11–14; Werner, 1995, pp. 52–53; Vajda, 2003, pp. 55–57;], максимальная, теоретически возможная словообразовательная и словоизменительная модель кетской глагольной словоформы, модифицированная и предложенная в работах [Буторин, 1995; Решетников, Старостин, 1995, с. 99, 100], может быть представлена с некоторой долей схематичности в следующем виде:

$$A - INC - MDF_{ROOT}/MDF_{VRBL} - D - DET_D - TEMP - P - KERN_{ROOT}/KERN_{VRBL} - PL_A$$

где **A** – Агенса; **INC** – инкорпорант; **MDF_{ROOT}/MDF_{VRBL}** – модификатор-корень или модификатор-вербализатор: лексический или десемантизированный модификатор ядра; **D** – Датив; **DET_D** дативный детерминатив, следующий непосредственно после показателя датива; **DET** – детерминатив (субморф, т. е. морфема, утратившая свое значение и не поддающаяся этимологизации); **TEMP** – показатель времени; **P** – Пациенс; **KERN_{ROOT}/KERN_{VRBL}** – центральный структурный элемент финитной глагольной словоформы, лексическое ядро-корень или корень-вербализатор – десемантизированный глаголообразующий компонент; **PL_A** – показатель множественного числа Агенса.

Определение деагентивной конструкции

Под деагентивными конструкциями часто понимают в широком смысле «производные конструкции, в которых подлежащее не обозначает субъект действия, в частности, конструкции без подлежащего; ср.: (3) *Они построили дом* ⇒ *Дом построен (ими)*; (4) *Молния зажгла сарай* ⇒ *Молнией зажгло сарай* и т.д.» (см. [Недялков, 1978, с. 28]).

Деагентивная конструкция в кетском языке является производной от агентивной конструкции, которая образована на базе транзитивного двухвалентного (двухактантного) глагола. Позиция подлежащего занята именем семантического агенса, а позиция прямого дополнения – именем семантического пациенса. В кетском языке подлежащее и прямое дополнение выражаются именами в абсолютном падеже, морфологически не оформленном. Подлежащее и прямое дополнение контролируют согласование глагола: подлежащее маркируется глагольными актантами лица в СП Агенса (СП1) и числа в правой маргинальной позиции (см. “Максимальную модель кетской глагольной словоформы”), а прямое дополнение – показателями лица и числа либо в СП Датива (СП2), либо в СП Пациенса (СП3).

Производная деагентивная конструкция предполагает следующие преобразования:

1. Валентность глагола понижается на единицу, а именно имеет место вычеркивание семантического агенса.

2. В результате вычеркивания агенса соответственно элиминируется его синтаксическая позиция подлежащего в поверхностно-синтаксическом представлении высказывания.

3. Элиминация синтаксической позиции агенса сопровождается изменением модели глагольного согласования с актантами в деагентивной конструкции.

4. Освободившаяся в результате вычеркивания агенса СП Агенса (СП1) в деагентивном глаголе остается незаполненной, семантический пациент, переместившийся в освободившуюся позицию подлежащего, в производной деагентивной конструкции сохраняет модель согласования с глаголом, представленную в исходной агентивной конструкции и продолжает контролировать согласование глагола либо в СП Датива (СП2), либо в СП Пациенса (3). Переключение согласования с СП Датива (СП2) или СП Пациенса (СП3) в агентивной конструкции на согласование с СП Агенса (СП1) в деагентивной не происходит. Е. А. Крейнович отмечает, что существительное, выступающее в функции прямого дополнения при переходном глаголе, при непереходно-пассивном глаголе (в нашей терминологии – при деагентивном глаголе – С.Б.) выступает в функции подлежащего. Если бы подлежащее при переходном глаголе имело специальный показатель (как в эргативных языках), то кетский язык мог бы быть представлен как эргативный язык. Однако подлежащее и прямое дополнение как при переходных, так и непереходных глаголах используется в одном и том же “именительно-винительном падеже”, поэтому субъектно-объектные отношения в кетском языке определяются расположением актанных (личных) показателей в глаголе [Крейнович, 1968, с. 249]. Приведем пример согласования актантов агентивной и деагентивной конструкций с СП Датива и СП Пациенса:

(1)

Согласование с СП Пациенса:

сујат $\delta=ун=\alpha=\delta=дон'$
рубашка.ABS A.1=рвать.MDF_{ROOT}=INTF=P.3.N=рвать.KERN_{ROOT}

‘рубашку я разорву’,

сујат $ун=\alpha=\alpha=\alpha=рон'$
рубашка.ABS рвать.MDF_{ROOT}=INTF=P.3.N=SUPR=рвать.KERN_{ROOT}
‘рубашка разорвется’ [Крейнович, 1968, с. 245].

(2)

Согласование с СП Датива:

б'эс'ам *а*
заячья шуба.ABS я.ABS
 $\delta'=\alpha c'=y=k=c=то$
A.1=вешать.MDF_{ROOT}=D.3.N=DET_D=PRES=KERN_{VRBL}

‘заячью шубу я повешу’,

б'эс'ам *ис'у=k=c=та*
заячья шуба.ABS вешать.MDF_{ROOT}=D.3.N=DET_D=PRES=KERN_{VRBL}
‘заячья шуба висит’ [Крейнович, 1968, с. 246].

1. Прямое дополнение-пациент исходной агентивной конструкции занимает утраченную агенсом позицию подлежащего и повышается в синтаксическом ранге, так как подлежащее имеет самый высокий синтаксический ранг, прямое дополнение следует за ним.

2. Повышение синтаксического статуса приводит к повышению коммуникативной значимости семантического пациента, так как, чем выше синтаксический ранг актанта, тем больше его коммуникативная значимость. Поскольку подлежащее обладает наивысшей коммуникативной значимостью, семантический пациент в позиции подлежащего деагентивной конструкции перемещается в коммуникативный фокус высказывания (см. [Мельчук, 1998, с. 184–185]).

3. В подавляющем большинстве случаев в состав деагентивного глагола включается суппрессивный показатель, т. е. показатель понижения валентности глагола – аффикс $=a=\sim=\alpha=$.

¹ Примеры приводятся в авторской записи, при этом в ряде случаев пришлось применить некоторое упрощение и унификацию используемых фонетических символов. Таблица соответствия фонетических знаков некоторых систем приведена в [Иванов (ред.), 1969, с. 284–285]. Следует обратить внимание читателя на то, что в кетологической литературе отсутствует унифицированная система транскрипции: используются системы на основе кириллицы и латиницы, причем внутри этих систем имеются различия.

Деагентивное преобразование, предполагающее вычеркивание агенса, как вид нисходящей синтаксической деривации [Храковский, 1969, 142–143], представляет собой один из механизмов актантной деривации. Актантная деривация затрагивает количественный и качественный состав партиципантов и семантических актантов ситуации [Плунгян, 2011, с. 276–307].

Основное отличие залога от актантной деривации, по мнению В. А. Плунгяна, заключается в том, что при залоговых преобразованиях состав партиципантов ситуации и их семантические роли не изменяются; изменяется их синтаксический и, соответственно, коммуникативный статус. Напротив, при актантной деривации имеют место изменение состава участников ситуации (увеличение или уменьшение обязательных актантов) и/или изменение их референциальных свойств. Автор выделяет три типа семантических преобразований, имеющих место при актантной деривации: «повышающая деривация»: увеличение числа обязательных актантов исходной ситуации; «понижающая» деривация: уменьшение числа обязательных актантов; «интерпретирующая» деривация: изменение референциальных характеристик или типа актанта, исходной ситуации [Плунгян, 2011, с. 277, 279].

Деагентивное преобразование в кетском языке относится к понижающей деривации, которая приводит к исключению, устранению из исходной ситуации агенса, в результате чего возникает новая ситуация – деагентивная ситуация с вычеркиванием агенса.

Способы деривации деагентивных конструкций

В кетском языке в сфере деривации деагентивных конструкций можно выделить прежде всего парадигматическую, коррелятивную и направленную оппозицию [Недялков, Яхонтов, 1983, с. 15–16].

Парадигматические оппозиции

При рассмотрении структурных форм и основных типов формальных оппозиций при деривации результатов, В. П. Недялков и С. Е. Яхонтов относят кетские формальные оппозиции типа *кассат* $\delta=a=v=ошон$ ‘подошву я-то-надставляю’; *кассат* $a=v=ошон$ ‘подошва надставленная’ к результативной деривации, основанной на *парадигматической* оппозиции. Глагольные члены оппозиции нерезультатив/результатив (в нашей терминологии: агентивных/неагентивных глаголов) различаются парадигмами при изменении числа личных показателей (актантных показателей – С.Б.) в глаголе [Недялков, Яхонтов, 1983, с. 15].

В кетском языке в парах агентивных и деагентивных глаголов чередуются субъектно-объектная и объектная парадигма спряжения. Согласование подлежащего деагентивной конструкции осуществляется в глаголе по объектному типу, т.е. точно так же, как и глагольное согласование осуществляется с прямым дополнением в деагентивной конструкции: посредством объектных показателей либо в СП Пациенса (СП 3), либо в СП Датива (СП2). Следует отметить, что в кетском языке имеет место совпадение формальной, подчеркнем лишь формальной, маркировки в СП Пациенса (СП3) подлежащих, выраженных именами класса вещей, как при деагентивных глаголах, так и при исконно интранзитивных глаголах, не являющихся дериватами деагентивного преобразования. Категориальные значения указанных форм совершенно различны. На подобное формальное совпадение уже обращалось внимание. Б. А. Успенский, рассматривая явление опущения имени субъекта в предложении и, соответственно, личных субъектных показателей в глагольной форме, отмечает, что «... переходный глагол, в котором опущены показатели субъекта (Аgens), но остаются объектные показатели (показатели Patiens), выступает тогда как непереходный, причем связанный именно с Patiens. (Можно сказать, что глагол в этом случае меняет свое оформление, становясь оформленным по непереходной парадигме. Напомним, что аналогичное опущение субъектных показателей может происходить в кетском при неодушевленном ... субъекте; можно думать, что это явление – того же порядка (неодушевленный субъект выступает тогда как Patiens действия, выраженного в глаголе)» [Успенский, 1968, с. 204–205]). Под неодушевленным субъектом понимается подлежащее неизменяемых интранзитивных глаголов, выраженное именем класса вещей. В кетском языке существует грамматическое правило, согласно которому подлежащее (синтаксический актант), выраженное именем неодушевленного (вещного) класса не может контролировать согласование глагола по агентивному типу в (СП1) Агенса. Согласование в данной глагольной согласовательной позиции способно контролировать лишь подлежащее, выраженное именами лиц (в частности, местоимениями) и именами одушевленными (мужского и женского класса). На формальное сходство механизма согласования в собственно интранзитивных глаголах и деагентивных глаголах обратил внимание Г. К. Вернер, приводя словоформы собственно интранзитивного глагола *дан* $a=v=\alpha=tuj$ ‘трава растет’ и деагентивного глагола,

производного от транзитивного агентивного *унаң* $a=v=ун'$ 'сеть поставлена', ср. исходный агентивный транзитивный глагол *бу унаң* $\partial=a=v=ун'$ 'он сеть ставит' [Werner, 1997, p. 221]. Например:

(3)
 $\partial^o кс'$ $\partial=a=j=\alpha=тuј$
 дерево.М А.3=PRES=INTF=SUPR=KERN=KERN_{ROOT}
 'дерево (мужск. кл.) растет';

дан' $a=v=\alpha=тuј$
 трава.Н PRES=P.3.N=SUPR=KERN_{ROOT}
 'трава растет' [Крейнович, 1968, с. 248].

Рассматриваемая смена агентивного спряжения на пациентное при подлежащих класса вещей имеет место только у непереходных глаголов, не имеющих соотносительных переходных пар. Таким образом, смена агентивного спряжения на пациентное у непереходных глаголов коренным образом отличается от актантной деривации устранения агенса при образовании деагентивных конструкций, где происходит устранение показателя агенса у агентивных переходных глаголов.

Объект деагентивного результата может контролировать согласование глагола как по пациентному актантному типу (СПЗ), так и по дативному типу (СП2):

Приведем исходную агентивную и производную деагентивную конструкции. Подлежащее – объект состояния – контролирует пациентное согласование:

(4)
 $к'эт$ $ун'аң$ $\partial=a=v=ун'$
 человек.ABS сеть.ABS А.3.М=PRES=P.3.N=PRES=KERN_{ROOT}
 'Человек сеть ставит';

$ун'аң$ $a=v=ун'$
 сеть.ABS PRES=P.3.N=KERN_{ROOT}
 'Сеть поставленная' [Крейнович, 1968, с. 248].

В нижеприводимом примере подлежащее – объект состояния – контролирует согласование глагола по дативному типу:

(5)
 a $тuп'$ $\partial=aң=a=\gamma=c=u=t$
 я.ABS кобель.ABS А.1=привязать.MDF_{ROOT}=D.3.M.PL=DET_D=PRES=INTF= **KERN**_{VRBL}
 'я кобеля привяжу';

$тuп'$ $aң=a=\gamma=c=ут$
 кобель.ABS привязать.MDF_{ROOT}=D.3.SG=DET_D=PRES=KERN_{VRBL}
 'кобель привязанный (привязан)' [Крейнович, 1968, с. 251].

Коррелятивные оппозиции

В кетском языке можно также выделить использование коррелятивной оппозиции в качестве способа деривации результатов. При коррелятивной оппозиции «основы обоих членов оппозиции пересекаются, т. е. помимо совпадающей части содержат отличающие их элементы. Члены оппозиции могут различаться либо чередующимися аффиксами, либо частичным несовпадением корневых морфем...» [Недялков, Яхонтов, 1983, с. 15].

В кетском отмечено несколько пар чередующихся аффиксов, использующихся, в основном, в качестве способа образования результатов. Приведем лишь наиболее частотные случаи чередований; подробный перечень приводится Е. А. Крейновичем [1968, с. 254–259]:

(6)
 KERN_{VRBL} *дақ* ~ *бут/ут*;

$\partial=ул'=t=a=b=дақ$
 А.1= KERN_{ROOT}=DET=PRES=P.3.N= KERN_{VRBL}
 'я это отвяжу';

ул'=*m*=*a*=*в*=*ут*

MDF_{ROOT}=DET=PRES=P.3.N=KERN_{VRBL}

'это развяжется' [Крейнович, 1968, с. 247].

(7)

KERN_{VRBL} *то* ~ *та*;

қус' *m*=*x*=*a*=*в*=*то*

чум.ABS A.1=KERN_{ROOT}=PRES=P.3.N=KERN_{VRBL}

'чум поставлю';

қус' *x*=*a*=*в*'=*та*

чум.ABS KERN_{ROOT}=PRES=P.3.N=KERN_{VRBL}

'чум стоит (поставлен)' [Крейнович, 1968а, с. 246].

(8)

KERN_{VRBL} *р'а* ~ *р'иј*

бу *турыј* бог=*диңа* *д*=*аң*=*қ*=*a*=*в*=*р'а*

он.ABS береста.ABS огонь=DAT A.3=греть.MDF_{ROOT}=CAUS=PRES=P.3.N=KERN_{VRBL}

'он бересту для лучения на огне согревает';

турыј *аң*=*қ*=*a*=*в*=*а*=*риј*

береста.ABS греть.MDF_{ROOT}=CAUS=PRES=P.3.N=SUPR=KERN_{VRBL}

'береста для лучения согретая' [Крейнович, 1968, с. 256].

(9)

KERN_{VRBL} *т/а* ~ *бут/дамин* (супплетивизм); супплетивные ядра-вербализаторы: *т* – используется в настоящем времени/*а* – в прошедшем; *бут* – используется в ед. ч./*дамин* – во мн. ч.

ад *асл'иный* *д*=*аң*=*з*=*и*=*с*=*ит*

я.ABS лодка.ABS A.1=привязать.MDF_{ROOT}=DET_D=INTF=PRES=KERN_{VRBL}

'я лодку привяжу';

асл'иный *аң*=*з*=*и*=*с*=*кут*

лодка.ABS привязать.MDF_{ROOT}=DET_D=INTF=PRES=KERN_{VRBL}

'лодка привязанная';

асл'иниңин *аң*=*ын'*=*к*=*и*=*с*=*тамин*

лодка.PL.ABS привязать=PL.MDF_{ROOT}=DET_D=INTF=PRES=KERN_{VRBL}

'лодки привязанные' [Крейнович, 1968, с. 257].

Направленная оппозиция: аффиксация показателя =а=

В. П. Недеялков и С. Е. Яхонтов подразумевают под этим термином тип деривации, при котором результатов (в нашем случае деагентив – С.Б.) образуется от нерезультатива (агентивного глагола – С.Б.) с помощью деривационной морфемы, редупликации, флексии и т.п. [Недеялков, Яхонтов, 1983, с. 15].

Аффикс =а/=а=, занимающий позицию непосредственно предшествующую ядру, относят:

- 1) к показателям непереходности и пассивности [Крейнович, 1968, с. 245];
- 2) к показателям результата [Вайда, Зинн, 2003, с. 11, 59; Georg, 2007, с. 187].

Э. Вайда относит аффикс =а= ~ =а= к псевдоактантным маркерам, т.е. к несогласовательным аффиксам, не отражающим согласования с каким-либо синтаксическим аргументом (актантом – С.Б.). Псевдоактантные аффиксы являются чисто лексическими элементами, которые способствуют построению конструкций, изменяющих валентность. Аффикс =а= ~ =а= является продуктивным средством образования результатов от переходных форм активного или абсолютивного спряжения: *á=v=á=rop* [D=3N.SJ=R=drink (пить)] 'что-то (объект класса вещей, например, вода) выпито'; *íl=ù=k=s=á=j=á=vet* [break=3N.SJ=ABL=(s)=R=(j)=make (делать)] 'что-то (объект класса вещей, например, палка) сломано' [Vajda, 2003, р. 79].

В отличие от Э. Вайды, приведенные выше глаголы относятся в настоящей работе не к результатам, а к деагентивным глаголам. Результатив является лишь основным, но не единственным значе-

нием деагентивных конструкций. Термин “деагентив” подчеркивает структурные и функциональные характеристики этих конструкций.

На наш взгляд, есть основания определить данный аффикс в качестве полифункционального: 1) деагентивного показателя, т. е. показателя вычеркивания, устранения агенса и 2) показателя устранения референта объекта а точнее – в качестве показателя кореферентности субъектных и объектных актантных показателей в составе рефлексивных глаголов, содержащих кореферентные показатели Агенса (СП1) и Пациенса (СП3) 3-го л. ед. ч. при подлежащих, выраженных именами мужск., женск. и неодушевленного (вещного) классов (так называемые пациентные рефлексивы). И в первом, и во втором случае он используется как показатель понижающей актантной деривации: либо деагентива, либо рефлексива. Иными словами, аффиксу $=a/=æ=$ можно приписать суппрессивное значение, т. е. значение устранения актанта [термин И. А. Мельчука; см. [Мельчук, 1998, с. 166] и понижения валентности глагола.

Приведем парадигму пациентного рефлексивного глагола с показателем $=a/=æ=$, образованного от однокоренного неререфлексивного транзитивного глагола:

(10)

Рефлексивный глагол

$ди=t=та:n'$ [A_{COR.1}=P_{COR.1}=опоясать.KERN_{ROOT}] ‘я опояшусь’
 $ку=γ=та:n'$ [A_{COR.2}=P_{COR.2}=опоясать.KERN_{ROOT}] ‘ты опояшешься’
 $ду=j=æ=та:n'$ [A_{COR.3.M}=INTF=SUPR=опоясать.KERN_{ROOT}] ‘он опояшется’
 $дь=j=æ=та:n'$ [A_{COR.3.F}=INTF=SUPR=опоясать.KERN_{ROOT}] ‘она опояшется’ [Крейнович, 1968, с. 65].

(11)

Нерефлексивный транзитивный глагол

$ду=t=та:n'$ [A.3.M=P.1=опоясать.KERN_{ROOT}] ‘он меня опояшет’
 $ду=γ=та:n'$ [A.3.M=P.2=опоясать.KERN_{ROOT}] ‘он тебя опояшет’
 $д=a=j=та:n'$ [A.3.M=P.3.M=опоясать.KERN_{ROOT}] ‘он его опояшет’
 $д=u=j=та:n'$ [A.1.M=P.3.F=опоясать.KERN_{ROOT}] ‘он ее опояшет’ [Крейнович, 1968, с. 66].

В заключение рассмотрения способов деривации деагентивных конструкций необходимо подчеркнуть, что в кетском языке часто используются различные способы деривации, причем наблюдается комбинированное использование вышеприведенных способов. Однако обязательным условием является использование вычеркивания агенса, сопровождающееся устранением синтаксической позиции подлежащего, которую в исходной агентивной конструкции занимает семантический агенс, а также устранение глагольной позиции согласования с агенсом.

Следует отметить, что в кетском языке возможно наличие деривационных серий, в которых деагентивные дериваты образованы посредством использования разных деривационных способов, при этом деагентивы выражают различные значения, например:

(12)

Агентивный глагол: (ад) $аслиң=д=олн у=куңа д=иск=æ=в=и=t$ [(я.ABS) лодка=POSS=нос.ABS ты=DAT A.1.=повернуть.MDF_{ROOT}=PRES=P.3.N=INT=KERN_{VRBL}] ‘(я) нос лодки к тебе обращаю’ – **агентивный глагол**; \Rightarrow **Деагентивный глагол:** $аслиң=д=олн у=куңа иск=a=в=ут$ [лодка=POSS=нос.ABS ты=DAT повернуть.MDF_{ROOT}=PRES=P.3.N=KERN_{VRBL}] ‘нос лодки к тебе обращен’ – **результатив**; \Rightarrow **Декаузативный глагол:** $аслиң=д=олн у=куңа иск=æ=в=æ=тн$ [лодка=POSS=нос.ABS ты=DAT повернуть.MDF_{ROOT}=INTF=P.3.N=SUPR=KERN_{VRBL}] ‘нос лодки к тебе обратится’ – **декаузатив** [Крейнович, 1968, с. 252].

Деагентивные конструкции и пассивный залог

В связи с тем, что выделяемые нами деагентивные конструкции, иногда рассматриваются в литературе как результат пассивного преобразования и относятся к формам пассивного залога, необходимо проанализировать высказываемые точки зрения на возможность выделения категории залога у кетского глагола.

В литературе вопрос о возможности выделения залогов в кетском языке, в частности, пассивного залога, остается спорным [Успенский, 1968, с. 204–205; Werner, 1997, р. 214].

Одни исследователи выделяют категорию пассивного залога в кетском языке [Дульзон, 1968, с. 416–440]; причем концепция, постулирующая наличие целого ряда залогов, предложенная А. П. Дульзоном, не получила широкого признания (см. критический анализ этой концепции в [Решетников, Старостин, 1995, с. 90–91]); другие по тем или иным соображениям отрицают [Успенский, 1968, с. 204–205; Валл, Канакин, 1988, с. 17; Валл, Канакин, 1990, с. 37; Белимов, 1991, с. 138–144; Решетников, Старостин, 1995, с. 89–93]. Заметим, что Е. А. Крейнович выделяет непереходно-пассивные глаголы, но не утверждает, что в кетском языке существует категория пассивного залога [Крейнович, 1968, с. 244–260].

Ранее конструкции, относимые в данной работе к деагентивным, считались непереходно-пассивными (включающими непереходные глаголы с пассивным значением) [Крейнович, 1968, с. 244–260], пассивно-результативным [Werner, 1997, р. 214–221], пассивными [Werner, 1998, р. 155–168] и результативными конструкциями (результативами) [Vajda, 2003, р. 82; Вайда, Зинн, 2004, с. 59].

В пользу признания деагентивных конструкций пассивными конструкциями некоторые авторы (в частности, Г. К. Вернер и Ш. Георг) приводят возможность введения в них агентивного дополнения, оформленного показателем инструментального падежа =*as'* (=ac') [Werner, 1997, р. 214, 221; Georg, 2007, р. 114]:

(13)

²ke't ²ti's dil'uks'ivet 'Мужчина сломал (раскол) камень'

²ti's ker'as' il'uks'ajavet 'Камень мужчиной расколот' [Werner, 1997, р. 214].

Стоит, однако, обратить внимание на важное замечание Е. А. Крейновича относительно того, что в предложении с непереходно-пассивным (деагентивным – С.Б.) глаголом может использоваться только дополнение со значением орудия действия, а не агенса:

(14)

қим=н' дун'иң (ð)=ð=о=в=и=л'=ða=н'
[женщина=PL дымокур=Р (А.3)=MDF_{ROOT}=PAST=P.3.N=INTF=PAST=KERN_{VRBL}=PL_A]
'женщины дымокуры положили';
дун'иң ð=а=в=æ=р'иј қим=н'=(н)æ=л'аң=ын'=ас'
[дымокур=PL MDF_{ROOT}=PRES=P.3.N=SUPR=KERN_{VRBL} женщина=PL=POSS=рука=PL=INSTR]
'дымокуры положены женскими руками' [Крейнович, 1968, с. 250].

Учитывая мнение Е. А. Крейновича, мы считаем невозможным признать глаголы с вычеркиванием агенса формами пассивного залога.

Наиболее близка к нашему пониманию деагентивных конструкций трактовка результатов в кетском языке, предложенная Э. Вайдой и М. Зинн. Результаты, как отмечают авторы, образуются посредством вычеркивания показателей активной серии (показателей агенса ряда ð/ð) и при помощи аффиксации псевдоактантного показателя =а ~ æ=, занимающего позицию, которая непосредственно предшествует ядру словоформы. Этот показатель является результативным маркером, обозначающим состояние, вызванное предшествующим действием [Vajda, 2003, р. 79, 82; Вайда, Зинн, 2004, с. 11, 59].

Заключение

Деагентивная конструкция в кетском языке является производной от агентивной конструкции, которая образована на базе транзитивного двухвалентного (двухактантного) глагола, и относится к типу понижающей актантной деривации. Производная конструкция характеризуется: 1) понижением валентности на единицу в результате вычеркивания агенса; 2) элиминацией синтаксической позиции агентивного подлежащего и агентивной согласовательной позиции в глаголе; 3) перемещением семантического пациенса в освободившуюся синтаксическую позицию подлежащего; 4) изменением согласовательной модели глагола: агентивная согласовательная позиция глагола остается незаполненной, а семантический пациенс, переместившийся в позицию подлежащего, продолжает контролировать согласование глагола в одной из объектных позиций – Датива или Пациенса в зависимости от типа спряжения глагола, т.е. семантический пациенс сохраняет модель согласования по типу исходной агентивной конструкции, как если бы он оставался прямым дополнением; 5) семантический па-

циенс, занимавший синтаксическую позицию дополнения, в результате перехода в позицию подлежащего повышается в синтаксическом ранге и, следовательно, приобретает большую коммуникативную значимость и перемещается в коммуникативный фокус высказывания; б) большая часть деагентивных глаголов оформляется супрессивным показателем $=a= \sim =ae=$, т. е. показателем понижения валентности глагола или устранения актанта.

В кетском языке в сфере деривации деагентивных конструкций выделены парадигматическая, коррелятивная и направленная оппозиции. В ходе рассмотрения способов деривации деагентивных конструкций было установлено, что в кетском языке часто используются разные способы деривации, причем наблюдается комбинированное использование вышеприведенных способов. Однако обязательным условием является использование парадигматической оппозиции, предполагающее вычеркивание агенса, сопровождающееся устранением синтаксической позиции подлежащего, которую в исходной агентивной конструкции занимает семантический агент, а также устранение глагольной позиции согласования с агенсом.

Список сокращений и условных обозначений

1, 2, 3 – первое, второе, третье лицо; **A** – Агенса (СП1); позиция согласования с первым актантом – подлежащим немногочисленных одноместных предикатов и подлежащим-агенса двухместных предикатов; **A_{COR}** – кореферентный показатель Агенса; **ABS** – абсолютный падеж, т.е. падеж, не имеющий морфологического оформления; **D** – Датив (СП2); позиция согласования с подлежащим ряда одноместных предикатов и вторым актантом – прямым дополнением двухместных предикатов; **DAT** – дательный падеж; **DET_D** – приактантный детерминатив, т. е. субморф, сопровождающий дательные актантные показатели в D; **DET** – детерминатив – субморф, т. е. морфема, утратившая свое значение и не поддающаяся этимологизации; используется вне зависимости от наличия **D**; **INSTR** – инструментальный падеж; **INTF** – интерфикс (морфонологический разграничитель), который появляется на стыке морфем, как правило, при гласном ауслауте предшествующей морфемы и гласном анлауте последующей морфемы; **KERN_{ROOT}** – лексическое ядро-корень; **KERN_{VRBL}** – ядро-вербализатор; **MDF_{ROOT}** – лексический модификатор-корень; **MDF_{VRBL}** – десемантизированный модификатор-вербализатор; **N** – неодушевленный (вещный) класс; **P** – Пациенс; позиция согласования со вторым актантом – прямым дополнением двухместных предикатов; **P_{COR}** – кореферентный показатель Пациенса; **PL** – мн. ч.; **PL_A** – показатель множественного числа Агенса, показатель лица которого занимает позицию A; **POSS** – притяжательный показатель; **PRES** – настоящее время; **SUPR** – показатель супрессива, т. е. показатель устранения глагольного актанта; **TEMP** – показатель времени.

Комментарии к глоссам Э. Вайды

ABL – аблатив; **AL** – аппликативный показатель; **D** – дуративный показатель; **M** – мужск. класс; **N** – неодушевленный класс; **O** – позиция согласования с объектом; **R** – результативный показатель; **S** – ед. ч.; **SJ** – позиция согласования с субъектом/подлежащим.

Список литературы

- Белимов Э. И. Кетский синтаксис: Ситуация. Пропозиция. Предложение. Новосибирск: Изд-во Новосибир. ун-та, 1991. 164 с.
- Буторин С. С. Описание морфологической структуры финитной глагольной словоформы кетского языка с использованием методики порядкового членения. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1995. 19 с.
- Буторин С. С. Имперсонал в кетском языке // Проблемы документации исчезающих языков и культур: Материалы международной конференции «21-е Дульзоновские чтения». Ч.1. Уфа: «Восточный ун-т», 1999. С. 28–36. 260 с.
- Вайда Э, Зинн М. Морфологический словарь кетского глагола (на основе южно-кетского диалекта) / Vajda E, Zinn V. Morphological dictionary of the Ket verb (Southern dialect). Томск, 2004. 264 с.
- Валл М. Н., Канакин И. А. Категории глагола в кетском языке. Новосибирск: Наука, 1988. 68 с.
- Валл М. Н., Канакин И. А. Очерк фонологии и грамматики кетского языка. Новосибирск: Наука, 1990. 100 с.
- Дульзон А. П. Кетский язык. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1968. 635 с.
- Иванов Вяч. Вс. (ред.) Кетский сборник. Мифология. Этнография. Тексты. М.: Наука, 1969. 291 с.
- Крейнович Е. А. Глагол кетского языка. Л.: Наука, 1968. 283 с.
- Мельчук И. А. Еще раз к вопросу об эргативной конструкции // Вопр. языкознания. 1991. № 4. С. 46–88.

- Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. Москва–Вена: «Языки русской культуры», Венский славистический альманах, 1998. 544 с.
- Недялков В. П. Заметки по типологии рефлексивных деагентивных конструкций // Проблемы теории грамматического залога. Л.: Наука, 1978. 288 с.
- Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций // Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 5–41.
- Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира : Учеб. Пособие. М: РГГУ, 2011. 672 с.
- Решетников К. Ю., Старостин Г. С. Структура кетской глагольной словоформы // Кетский сборник. Лингвистика. М., 1995. С. 7–121.
- Успенский Б. А. О системе кетского глагола // Кетский сборник. Лингвистика. М.: Наука, 1968. С. 196–228.
- Храковский В. С. Деривационные отношения в синтаксисе // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения. М., 1969. С. 138–147. 180 с.
- Georg, Stefan. A descriptive grammar of Ket (Yenisei-Ostyak). Part 1: Introduction, Phonology, Morphology. Global Oriental Ltd, 2007. 328 p.
- Vajda, Edward. Ket verb structure in typological perspective // Sprachtypology und Universalien Forschungen. / Language Typology and Universals. Studia Yeniseica. Volume 56. 2003. Issue 1/2. P. 123–132.
- Werner, Heinrich. Zur Typologie der Jenissej-Sprachen. Wiesbaden, 1995. 214 p.
- Werner, Heinrich. Die ketische Sprache. Wiesbaden, 1997. 405 p.
- Werner, Heinrich. Zur Typology der Passivkonstruktionen in den Jenissej-Sprachen. In: Typology of Verbal Categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday / Ed. By Leonid Kulikov and Heinz Vater. Max Niemeyer Verlag. Tübingen, 1998 / DE GRUYTER, 1998. 310 p.

S. S. Butorin

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation;
Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russian Federation;
butorin_ss@mail.ru*

Deagentive constructions in the Ket language: toward a problem statement

The paper deals with the deagentive constructions in the Ket language which refer to actant derivation, namely to the valency decreasing derivation. The basic agentive and derived deagentive verbs and constructions are analyzed. The agentive constructions are derived from the agentive ones by means of deleting the agent noun phrase and thus removing it from the syntactic subject position and simultaneously omitting (deleting) the agentive marker agreement slot. The patient noun phrase moves to the syntactic subject position while preserving its control over cross-referencing to the patient in the verbal patient agreement slot, i. e. it fills the same verbal object agreement slot both in agentive and deagentive verbs without changing it. The review of the existing differing and debatable approaches to the verbs and constructions in question is given. The deagentive verbs are treated by different authors as intransitive-passive verbs, passive voice forms, resultative-passive verbs, purely resultative verbs, resultative participles. One can't argue that the passive voice constructions are inherent to the Ket verb system for their occurrence might have been induced by the influence of the Russian grammatical system since the Ket language belongs to the category of endangered languages and the Russian language largely dominates over the Ket language and supersedes it in the Ket community. It is proposed to refer the verbs and constructions in question to deagentive ones. Since syntactic the subject has the highest rank in the communicative weight hierarchy the semantic patient is thus raised in its communicative rank, while the semantic agent is either eliminated in the surface-syntactic representation of the utterance or quite rarely backgrounded by being moved to the agentive object position thus being lowered in its communicative weight. The strategies of deriving deagentive constructions include the following ones: transforming the agentive-objective conjugation into the objective conjugation, using correlative oppositions differing in verbalizers (verb-forming elements) and employing a valency-decreasing affix. The deletion of the agentive agreement slot is obligatory. The paper is intended for specialists in polysynthetic languages, morphology, syntactic derivation and typological studies.

Keywords: Ket language, actant (argument)-changing derivation, valence-decreasing derivation, deagentive constructions, resultative, decausative, passive voice.

References

- Belimov E.I. Ketskiy sintaksis: Situatsiya. Propozitsiya. Predlozhenie [The Ket syntax: Situation. Proposition. Sentence]. Novosibirsk, Izd-vo Novosib. Un-ta, 1991, 164 p.
- Butorin S.S. Opisanie morfologicheskoy struktury finitnoy glagol'noy slovoformy ketskogo yazyka s ispol'zovaniem metodiki poryadkovogo chleneniya [The description of the morphological structure of the Ket finite verb form]. Abstract of Philol. Cand. Diss. Novosibirsk, 1995, 19 p.
- Butorin S.S. Impersonal v ketskom yazyke [Impersonal in the Ket language]. In: *Problemy dokumentatsii ischezayushchikh yazykov i kul'tur: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii «21–e Dul'zonovskie chteniya»* [The problems of documenting of the endangered languages and cultures: The proceedings of the international conference «The 21–st Dulson readings»]. P.1. Ufa, «Vostochnyy un-t», 1999, pp. 28–36.
- Vajda E, Zinn M. Morfologicheskiy slovar' ketskogo glagola (na osnove yuzhno-ketskogo dialekta [Vajda E, Zinn M. Morphological dictionary of the Ket verb (Southern dialect)]. Tomsk, 2004, 264 p.
- Vall M.N., Kanakin I.A. Kategorii glagola v ketskom yazyke [The Ket verb categories]. Novosibirsk, Nauka, 1988, 68 p.
- Vall M.N., Kanakin I.A. Ocherk fonologii i grammatiki ketskogo yazyka [An essay on Ket phonology and grammar]. Novosibirsk: Nauka, 1990, 100 p.
- Dul'zon A.P. Ketskiy yazyk [The Ket language]. Tomsk, Izd-vo Tomsk. gos. un-ta, 1968, 635 p.
- Ivanov, Vyach. Vs. (ed.) Ketskiy sbornik. Mifologiya, etnografiya, teksty [Studia Ketica. Mythology, ethnology, texts]. Moscow, Nauka, 1969, 291 p.
- Kreynovich E.A. *Glagol ketskogo jazyka* [The verb in the Ket language]. Leningrad, Nauka, 1968a, 283 p.
- Mel'chuk I. Eshche raz k voprosu ob ergativnoy konstruksii [Once more towards the issue of the ergative construction]. *Voprosy jazykoznanija* [Topics in the Study of Language], 1991, no. 4, pp. 46–88.
- Mel'čuk I.A. *Kurs obshchey morfologii* [Cours de morphologie générale / The Course of General Morphology]. Vol. II. Moscow – Vena, “Yazyki russkoy kul'tury”, Wiener Slawistischer Almanach, 1998, 544 p.
- Nedyalkov V.P. Zаметki po tipologii reflektivnykh deagentivnykh konstruksiy [The sketches on typology of reflexive deagentive constructions]. In: *Problemy teorii grammaticheskogo zaloga* [The problems of the grammatical voice theory]. Leningrad, Nauka, 1978, 288 p.
- Nedyalkov V.P., Yakhontov S.E. Tipologiya rezul'tativnykh konstruksiy [Typology of resultative constructions]. In: *Tipologiya rezul'tativnykh konstruksiy (rezul'tativ, stativ, passiv, perfekt)* [Typology of resultative constructions (resultative, stative, passives, perfect)]. Leningrad, Nauka, 1983, pp. 5–41.
- Plungyan V.A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [The Introduction into Grammatical Semantics: Grammatical Meaning and Grammatical Systems of the World's Languages. Textbook]. Moscow, RGGU, 2011, 672 p.
- Reshetnikov K.Yu., Starostin G.S. Struktura ketskoy glagol'noy slovoformy [The Ket verb form structure] *Ketskiy sbornik. Lingvistika* [Studia Ketica. Linguistics.]. Moscow, 1995, pp. 7–121.
- Uspenskiy B.A. O sisteme ketskogo glagola [On the Ket verb system]. In: *Ketskiy sbornik. Lingvistika* [Studia Ketica. Mythology, ethnology, texts]. Moscow, Nauka, 1968, pp. 196–228.
- Khrakovskiy V.S. Derivatsionnye otnosheniya v sintaksise [The derivative relations in syntax]. In: *Invariantnye sintaksicheskie znacheniya i struktura predlozheniya* [The invariant syntactic relations and the sentence structure]. Moscow, 1969, pp. 138–147.
- Georg, Stefan. A descriptive grammar of Ket (Yenisei-Ostyak). Part 1: Introduction, Phonology, Morphology. Global Oriental Ltd, 2007, 328 p.
- Vajda, Edward. Ket verb structure in typological perspective. In: *Sprachtypologie und Universalien Forschungen. / Language Typology and Universals. Studia Yeniseica. Vol. 56, 2003, iss. 1 / 2, pp. 55–92.*
- Werner, Heinrich. *Zur Typologie der Jenissej-Sprachen*. Wiesbaden, 1995, 214 p.
- Werner, Heinrich. *Die ketische Sprache*. Wiesbaden, 1997, 405 p.
- Werner, Heinrich. *Zur Typologie der Passivkonstruktionen in den Jenissej-Sprachen*. In: *Typology of Verbal Categories. Papers presented to Vladimir Nedjalkov on the occasion of his 70th birthday / Ed. by Leonid Kulikov and Heinz Vater. Max Niemeyer Verlag. Tübingen, 1998 / DE GRUYTER, 1998. 310 p.*